

считал своей Родиной, называл Отчизной и служению которой он отдал всего себя, без остатка. Поэтому каждому жителю нашей страны поэзия Лермонтова и его жизненный подвиг являются близкими и родными. Потому и мы уже в нашем XXI веке продол-

жаем черпать из его творчества всё, что он осветил своим гением и особенно всё то, что связано с возвышением в России миссии поэта-пророка, состоящей в утверждении правды, чести, совести и достоинства в жизни людей.

### Литература

1. Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова // Белинский В. Г. Избранные философские сочинения Т. 1 / под общей ред. М. Т. Иовчука и З. В. Смирновой. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1948.
2. Белинский В. Г. Сочинения А. Пушкина // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. III: Статьи и рецензии, 1843–1848 / под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М.: ОГИЗ Гослитиздат, 1948.
3. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra / сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова; коммент. Г. Е. Потаповой и Н. Ю. Заварзиной. СПб.: РХГИ, 2002.
4. Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991.

УДК 801/820

**К. Э. Штайн, Д. И. Петренко**

### ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В АРХИВНОМ И БИБЛИОТЕЧНОМ ФОНДАХ ГОРСКОГО ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. С. М. КИРОВА (1926–1937)

В статье рассматривается судьба материалов выдающегося осетинского ученого профессора Б. А. Алборова, участвовавшего в работе репрессированного Горского историко-лингвистического научно-исследовательского института им. С. М. Кирова. Статья способствует прояснению многих неизвестных вопросов, связанных с дея-

тельностью НИИ, внесшего большой вклад в изучение языков и культур Северного Кавказа.

**Ключевые слова:** Государственный архив Ставропольского края, библиотечный фонд Северо-Кавказского федерального университета, осетиноведение, кавказоведение.

**K. E. Shtain, D. I. Petrenko**

### PROBLEMS OF LANGUAGE, HISTORY AND CULTURE OF NORTH OSSETIA IN ARCHIVAL AND LIBRARY FUNDS OF MOUNTAIN HISTORICAL AND LINGUISTIC RESEARCH INSTITUTION OF S. M. OF KIROV (1926–1937)

The authors examine the destiny of papers of an outstanding Ossetian scholar professor B.A. Alborov, who worked in the Mountain Historical and Linguistic Research Institute of S. M. Kirov. The Institute was a victim of political repression. The article promotes clearing of many unknown questions

connected with work of the Research Institute, which made a big contribution to studying of languages and cultures of the North Caucasus.

**Key words:** State archive of Stavropol region, library funds of North Caucasus Federal University, Ossetia studies, Caucasus studies.

В 1994 году в процессе текстологической работы в Государственном архиве Ставропольского края мы обнаружили архивный фонд Северо-Кавказского горского историко-лингвистического института (годы

работы 1926–1937). Архивный фонд содержит 331 единицу хранения, среди которых уникальные документы и рукописи, связанные с исследованием языков, культуры, образования, истории народов Кавказа. Раз-

работка архива до этого времени никем не осуществлялась в связи с его нахождением в фондах специального хранения.

Горский научно-исследовательский институт работал в разное время в городах Орджоникидзе, Ростове-на-Дону, Пятигорске, при нем действовала аспирантура, библиотека содержала ценнейшие книги по кавказоведению. Это был уникальный научный центр, организованный в целях реализации просветительской языковой политики СССР на Северном Кавказе, ставший медиатором между Центральной Россией и Кавказом. В связи с успешной работой рассматривался вопрос о реорганизации Горского историко-лингвистического института в Центральный институт кавказоведения имени С. М. Кирова при ЦИК СССР. Однако в 1937 году институт был ликвидирован, директор института Х. Д. Ошаев незадолго до ликвидации института был исключен из ВКП (б), обвинен в скрытом троцкизме и буржуазном национализме и судим пятигорским городским судом. Библиотечный фонд института, как мы выяснили позднее, был передан Ворошиловскому педагогическому институту (ныне Северо-Кавказский федеральный университет), а небольшой рукописный фонд института хранится в Государственном архиве Ставропольского края.

Интересно то, как была выявлена библиотека Горского института. Когда мы узнали, что она была передана Ворошиловскому (Ставропольскому) пединституту (по архивным материалам), мы обратились к сотрудникам научной библиотеки нашего университета, с тем чтобы нам предоставили для работы этот фонд. Они сообщили, что ничего не знают ни о каком фонде, переданном из научно-исследовательского института. И тогда мы направились к тем каталогам, где были расклассифицированы книги по кавказоведению, не раз встречавшиеся нам, когда мы вместе с заведующим читальным залом библиотеки Т. А. Аветиковой подбирали редкие книги для наших многочисленных интереснейших выставок для студентов. После того как мы извлекли некоторые книги, отмеченные в каталоге, обнаружили там библиотечные печати Горского историко-лингвистического научно-исследовательского института. Позднее

сотрудники библиотеки нашего университета постарались извлечь этот фонд и отчасти систематизировали его. К сожалению, нам удалось опубликовать только некоторые каталоги, в которых перечислены лингвистические работы из фондов библиотеки Горского института.

Мы осуществили предварительную работу по систематизации материалов библиотеки и архивных фондов Р-1260 ГАСК, которые были, не в пример библиотечным, хорошо расклассифицированы. В наших статьях [12; 13], а также в статьях Г. Д. Чесноковой [8; 9], В. В. Белоконов [3], Н. Д. Ушаковой [7], Н. А. Кононировой [5] были описаны архивные материалы об истории Северо-Кавказского горского историко-лингвистического института (1927–1937), редкие архивные документы об истории и лингвистике на Северном Кавказе в 30-е годы XX века, даны сведения о библиотеке Северо-Кавказского научно-исследовательского института в фонде отдела редкой книги библиотеки СКФУ, написана история кавказоведения 1920–1930-х годов, составлен предметный указатель к описи документов № 1 фонда Р-1260 «Северо-Кавказский Горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. Кирова (1927–1937)», в монографическом исследовании А. И. Темирболатовой освещены вопросы языковой политики и языкового строительства [6], она защитила кандидатскую диссертацию по этой теме.

В процессе исследований стало ясно, что институт работал под эгидой Академии Наук СССР, в программе его становления участвовали И. И. Мещанинов, Н. Я. Марр, особенно важную роль в его работе сыграли члены Московского лингвистического кружка.

Московский лингвистический кружок – объединение молодых исследователей, основанное в марте 1915 года по инициативе группы студентов историко-филологического факультета Московского университета при активной поддержке руководителя Московской диалектологической комиссии Д. Н. Ушакова и одобрении, оказанном проекту устава академиками Ф. Е. Коршем и А. А. Шахматовым, как указывает Р. О. Якобсон в статье «Московский лингвистический кружок» (1976) [14, с. 365].

М. И. Шапир, опубликовавший данную статью Р. О. Якобсона, отмечает, что кружок «был едва ли не самым значительным объединением русских филологов – и по созвездию выдающихся талантов, и по влиянию (часто опосредованному и косвенному) на развитие филологической мысли, и по не востребованному до сих пор научному потенциалу. Вклад кружка в лингвистику и поэтику XX века, не только отечественную, но и мировую, не сравним с каким бы то ни было другим. Но отсутствие своих печатных органов и издательской базы, недостаток авангардной броскости в организации научного быта, а также глубокие внутренние противоречия привели к тому, что символом русского «формализма» стал всемирно известный ОПОЯЗ, тогда как основная работа по созданию новой филологии велась в недрах МЛК» [10, с. 361].

По свидетельству Р. О. Якобсона, кружок с первых шагов своей деятельности поставил задачей разработку вопросов лингвистики, понимая под этим термином науку о языках в различных функциях, в особенности уделялось много внимания анализу поэтического языка. Выдвигался тезис о связи между языкознанием и литературоведением, что было продолжением традиций московских филологов – от Ф. И. Буслаева до Ф. Е. Корша, Р. Ф. Брандта и др. Исследование поэтики, стихосложения, вопроса о соотношении письменного и устного словесного творчества входило в основную программу занятий кружка, что вело в дальнейшем и к этнологическим разысканиям. По мнению Р. О. Якобсона, работа носила лабораторный характер, а академическим лекциям предпочитали дебаты; методы и подходы исследований вырабатывались в совместном, коллективном обсуждении.

Важную роль в деятельности кружка играли летние экспедиции, которые осуществлялись его активными членами: Ф. Н. Афремовым, П. Г. Богатыревым, А. А. Буслаевым, Г. Г. Дингесом, П. П. Свешниковым, Б. В. Шергиным, Р. О. Якобсоном, Н. Ф. Яковлевым и др. – и сочетали собирание диалектологических материалов с записями фольклорных текстов и этнологическими наблюдениями.

Р. О. Якобсон отмечал возникновение новых подходов к общетеоретическим вопросам: «тесное сожительство», «взаимодействие и амальгамация диалектов», отличительные признаки фольклорного творчества, связанные «с характером соотношений между сказителем и коллективом» [10, с. 366]. Поездки, организованные в 1916 году, дали ответы на невыясненные вопросы вокализма и классификации южно-великорусских говоров, а также на вопрос о связи между зоной былинной традиции и границами северорусских диалектов. Важным результатом экспедиций 1921–1922 годов под руководством Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова и Е. М. Шиллинга было изучение северокавказского языкового и этнического ареала с учетом новых методологических приемов звукового и грамматического анализа [13, с. 104].

Важно отметить, что архивный фонд СевероКавказского горского историко-лингвистического института имени С. М. Кирова, который находится в Краевом архиве города Ставрополя, содержит рукописи Л. И. Жиркова «Карты языковых территорий Северного Кавказа и Дагестана» (ГАСК Ф. 1260. Оп. 1. Д. 243), «Введение в изучение языков Кавказа», «Словообразование в аварском языке» (Д. 257), «Развитие частей речи в горских языках Дагестана» (Д. 250). Имеется также интересная этнографическая работа «Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем» (Д. 135). Некоторые опубликованные работы членов Московского формального кружка, связанные с экспедициями на Кавказ, хранятся в научной библиотеке Ставропольского государственного университета.

И библиотека по кавказоведению, и архив – это огромное богатство, которое позволяет глубоко разобраться в истории кавказоведения, становления культуры младописьменных народов, выявить наиболее значимые идеи ученых 1920–1930-х годов, продолжить и воплотить их неосуществленные замыслы. Мы считаем себя в долгу перед людьми, труды которых часто были незаслуженно забыты.

В библиотеке Горского историко-лингвистического института, а также в архивном фонде, значительную часть исследований

составляют работы по осетинскому языку и культуре. Мы приведем в пример только некоторые исследования. В архивном фонде Р-1260 хранятся: копия документа «О предоставлении личных поземельных прав жителям Военно-Осетинского округа во владении Тарковском, ханстве Михтулинском и наибстве Присуланском (1701, 1781, 1845–1860)», рецензия на учебник русского языка (на осетинском языке), рецензия профессора Кошева на статью «Кабардино-осетинские феодально-вассальные отношения в XIII веке», рукописи И. Абаева «Трансформация согласных в осетинском языке», Е. Боброва «Кавказские нарты в глазах европейской науки», А. Т. Донецкой «Словообразование имен в осетинском языке (по материалам русско-осетинского терминологического словаря по делопроизводству)», О. Егорова «О сложных словах в осетинском языке», среди рукописей неуставленных авторов есть работа «О языке южных осетин». Из библиотечного фонда следует отметить работы Б. А. Алборова «История осетинских племен» (Осетинский НИИ краеведения. Владикавказ, 1929), М. В. Беляева «Осетинские этимологии» (оттиск из издания «Записки СККГНИИ», 1930), З. Сеоти, Дз. Цомаева «Практический самоучитель осетинского языка для знающих русский язык. С приложением осетино-русского и русско-осетинского словарей (Владикавказ, 1930) и др.

Сейчас мы готовим к печати антологию «Кавказоведение: Страницы прошлого», в которой публикуем работы из фондов архива и научной библиотеки СКФУ. Среди тех ученых, кто в особенности заинтересовал нас академичностью, глубиной и обстоятельностью исследований, профессор Б. А. Алборов. Важным является в настоящее время и то, что он занимался исследованиями творчества Вс. Ф. Миллера. Видимо, ученым хорошо известна статья Б. А. Алборова «Всеволод Федорович Миллер как лингвист-осетиновед» (1925), а также его фундаментальная работа «История осетинских письмен» (1929), которая хранится в фондах научной библиотеки СКФУ, сейчас она объект нашего пристального изучения.

В связи с темой статьи следует обратиться к некоторым страницам биографии Б. А. Алборова. Коснемся только его дея-

тельности в Горском историко-лингвистическом институте. Профессор Б. А. Алборов был штатным сотрудником института, по-видимому, на протяжении всей деятельности НИИ. Это отмечается в различных документах архива (ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 66. Л. 6–9; Оп. 1. Д. 14. Л. 10).

В институте было организовано четыре отдела: естественно-производительных сил, социально-культурного, лингвистического и экономических исследований. Отделы делились на секции. Во главе отделов стояли штатные работники института – профессора и доценты вузов – выдающиеся ученые в области изучения Кавказа. В лингвистическом отделе института сотрудники занимались реализацией общих принципов языковой политики и языкового строительства СССР на Северном Кавказе. В отделе было четыре секции: горско-турецкой руководил У. Д. Алиев, горско-иранской – Б. А. Алборов, ингушско-чеченской – З. К. Мальсагов, абхазско-адыгейской – Н. Ф. Яковлев.

В январе 1929 года к лингвистическому отделу присоединилась образованная при Северо-Кавказском крайисполкоме Центральная терминологическая комиссия по обогащению горских языков Северного Кавказа «приемлемыми для населения терминами». В комиссию входил У. Д. Алиев в качестве председателя, ученым секретарем был профессор М. В. Беляев, членами комиссии – профессора Н. Ф. Яковлев, Б. А. Алборов, А. Х. Саламов, А. Н. Дьячков-Тарасов, Т. Хуажев (ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 15. Л. 22). По инициативе Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института в национальных областях при научно-исследовательских институтах также были образованы терминологические комиссии (ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 13. Л. 115).

Терминологическая комиссия Горского института занималась изучением лексики, разработкой терминологических словарей, составлением общих словарей горских языков, сравнительного словаря, а лингвистический отдел – составлением грамматик и хрестоматий.

Сотрудники лингвистического отдела института разрабатывали первые научные грамматики языков Кавказа. В 1926–1928

годах Н. Ф. Яковлев подготовил «Грамматику кабардинского языка», «Словарь коренных слов нижне-черкесского языка», «Адыгейскую хрестоматию», «Словарь кабардинского языка», «Грамматику нижне-черкесского языка»; Б. А. Алборов – «Грамматику осетинского языка», «Осетинскую хрестоматию»; У. Д. Алиев – «Грамматику карачаево-балкарского языка», «Словарь карачаево-балкарского языка»; З. К. Мальсагов – «Хрестоматию по языкам вайнахской группы горских языков» и др. (ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 8. Л. 2)

В 1929 году Б. А. Алборов издал «Историю осетинских письмен», в которой рассмотрел алфавиты с начала возникновения письменности на осетинских диалектах по 1929 год. Исследователь установил, что в основу осетинских алфавитов положены следующие системы письма: а) арабский в рукописях; б) древнецерковнославянский (архимандрит Гай); в) грузинский (И. Г. Ялгузидзе); г) латинский (Г. В. Розен, А. А. Шифнер и др.); д) русский (А. И. Шегрен, П. К. Услар, В. Ф. Миллер и другие). Благодаря трудам А. И. Шегрена и В. Ф. Миллера основой осетинской письменности стала кириллическая графика. «Система начертаний, положенная в основу той или иной осетинской графики, пополнялась знаками, заимствованными и вновь образованными при помощи сочетаний букв, диакритических знаков и изменения формы букв основного алфавита прибавлением какой-либо частицы или какого-нибудь элемента других букв» [1, с. 22]. Ни один из указанных принципов пополнения знаками основного алфавита не выдержан последовательно в существующих системах осетинских график вследствие того, что составители их принимали во внимание, главным образом, научно-теоретические цели, а не педагогические, прикладные – «быстрое обучение чтению-письму на родном языке» [1, с. 22].

Из-за неправильного представления о природе некоторых звуков, особенно так называемых «кавказских», а также ввиду неоднородности состава алфавитов одного и того же языка у разных исследователей и издателей текстов, как отмечает Б. А. Алборов, «одни и те же звуки обозначаются

до последнего времени разными знаками, неблагоприятно влияющими на механизм чтения и письма. Для практических целей нет надобности отмечать всевозможные оттенки звуков (например, смягченные согласные и прочие), как это принято при научной записи текста, а потому во всех трех диалектах: иронском, дигорском, туальском особыми знаками для практического алфавита следует обозначать только некоторые» [1, с. 34].

Из всех алфавитов, положенных в основу осетинских, самый удобный, по мнению Б. А. Алборова, кириллический, «во-первых, как алфавит передового народа, на языке и письменности которого воспитывались и будут легче воспитываться и развиваться осетины в силу исторически сложившихся обстоятельств, во-вторых, потому, что для изобретения добавочных знаков он представляет больше преимуществ перед другими алфавитами, а особенно перед арабским и латинским» [1, с. 35].

Что касается арабского письма, сделавшегося «священным в глазах мусульман», то оно, «отличаясь относительной простотой основных начертаний букв, не может быть принято в основу осетинского алфавита, потому что обладает недостаточным количеством знаков для изображения всех осетинских звуков, и добавочные знаки, а также некоторые из основных, например, гласные, приходится изображать при помощи подбуквенных и надбуквенных точек и разных других знаков – ташдидов, гамзы, джезмы и других, усвоение значений которых затрудняет учеников» [1, с. 45].

Латинский алфавит, по мнению Б. А. Алборова, «содержит в себе еще менее знаков (25), чем арабский (28), и тех недостатков, которыми якобы изобилует русская графика, не лишена и латинская графика» [1, с. 46]. Б. А. Алборов пишет, что «в изобретении добавочных к русской графике знаков в целях педагогических нужны принципы: а) заимствования из других алфавитов; б) образования новых знаков путем сочетания букв, в) диакритизации подстрочными или надстрочными знаками – отставить и принять принцип изменения формы букв принятого в основу алфавита путем

упрощения или, в необходимых случаях, уклонения формы букв» [1, с. 55]. Из-за того, что ребенок и начинающий писать взрослый затрудняются при изображении почти каждой линии букв, отмечает Б. А. Алборов, «последние должны быть по возможности простыми, четкими и удобными для установления связи с последующими элементами букв или целыми буквами» [1, с. 57].

Б. А. Алборов считает, что «в практической графике рукописные и печатные буквы, с одной стороны, заглавные и строчные – с другой, – по своим очертаниям по возможности должны совпадать друг с другом, и там, где они не совпадают, заглавные отбросить и заменить их строчными, отличающимися только по своей высоте» [1, с. 61]. Автор приходит к выводу, что «означенные начертания из всех существующих наиболее целесообразны и по экономическим соображениям: пользуясь ими, уходит меньше материала на изготовление букв, меньше идет бумаги для набора одного и того же текста, меньше идет и красок, но что еще важнее – меньше уходит времени для набора, как при печатании типографским способом или на пишущей машинке, так и при письме от руки» [1, с. 76].

В 1930 году был составлен проспект второго выпуска «Сборника научного общества этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте», в который входили статьи Б. А. Алборова «К вопросу о происхождении Нартского эпоса», М. Я. Немировского «Из новейшей литературы по кавказской лингвистике (опыт обзора проблематики)», «Тромбетти как лингвист и кавказовед», «Лингвистика и краеведение», И. В. Джанаева «Переводы «Интернационала» на осетинский язык» (ГАСК. Ф. Р-1260. Оп. 1. Д. 21. Л. 1).

Периодически выходили «Записки Горского историко-лингвистического института». В третий выпуск вошла и статья профессора Б. А. Алборова «Ироно-дигорские расхождения» (1936).

В современных исследованиях отмечается, что «Н. Ф. Яковлев при участии Л. И. Жиркова, впоследствии Г. П. Сердюченко и местных национальных кадров – Д. А. Ашамаф (Адыгея), Т. Табулова (Чер-

кесия), З. Мальсагова (Горская Республика), М. Халидова, М. Дибирова (Дагестан), Б. А. Алборова (Осетия) и других разработал фонетические системы кабардинского (1923–1924), адыгейского (краткий вариант в 1930 году, полный в 1941 году), ингушского (1922), чеченского (1923), абхазского (краткий и полный варианты в 1930 году) и абазинского (1930) языков. Таким образом, в результате большой работы по фонетическому исследованию кавказских языков были составлены проекты алфавитов и орфографий в период 1923–1928 годов и вторично в 1938–1939 годах» [4, с. 104].

Иранской группой языков занимались многие ученые, в архиве находятся рукописные монографии профессора О. Егорова «О сложных словах в осетинском языке» (ГАСК 1260. Ф. 1. Д. 225), В. И. Абаева «Трансформация согласных в осетинском языке» (Д. 226), Б. А. Алборова об ироно-дигорских диалектах.

Научное творчество В. Ф. Миллера находилось в сфере многообразных интересов профессора Б. А. Алборова. В работе «История осетинских письмен» (1929) Б. А. Алборов обращает особое внимание на вклад В. Ф. Миллера в изучение осетинского языка. В разделе «Звуки осетинского языка и способ их обозначения у профессора В. Ф. Миллера» Б. А. Алборов пишет: «Подобно Шегрену, и В. Миллер в собранных и изданных им осетинских текстах применил русскую азбуку к выражению осетинских звуков. При этом он руководился соображениями научными и практическими... Способ обозначения им осетинских звуков, по его собственному признанию, не может быть вполне научным. Но за ним некоторые преимущества практического характера: 1) азбука, составленная из русской, уже существует у осетин около четырех столетий, 2) этой азбукой напечатан ряд осетинских книг (духовных и учебных), 3) в типографском отношении она представляет большие удобства...» [1, с. 43].

Среди поправок В. Ф. Миллера к системе А. М. Шегрена отмечено, что В. Ф. Миллер «правильно понимает природу kh, ph, th; по его мнению, последние свойствен-

ны исключительно некоторым кавказским языкам. В. Миллер отвергает их придыхательность: они только с более сухим, энергичным и крепким отрезом, чем обыкновенные К, П, Т, которые тоже лишены придыхательности» [1, с. 53].

Б. А. Алборов отмечает влияние труда В. Ф. Миллера на последующие печатные издания на осетинском языке, а в разделе «Алфавит Всеволода Миллера» отмечаются некоторые недостатки его системы: «...система, хотя более выдержанная, чем у Шегрена, но не последовательно проведенная до конца: применяются в обозначении отличительных звуков 3 различных принципа: 1) исходя из природы: Ää (с иным отличительным знаком, чем у Шегрена), Дз, Дж; 2) заимствование: Q, J, h; 3) диакритизация надстрочных знаков: Г', К', П', Т', У', Ц', Ч', причем эти диакритические знаки не одинаковы (в Г' – указание на придыхательность, в У' на краткость, в остальных не указывает на природу звука, а просто служит отличительным от русской буквы знаком). Означенные отличительные знаки удобны с точки зрения научной, но не педагогической: детям непонятна роль этих знаков. При письме придется часто отрывать руку» [1, с. 60]. В качестве достоинства отмечается выдержанность системы.

Замечательный ученый профессор Б. А. Алборов посвятил не менее замечательному ученому профессору Вс. Ф. Миллеру великолепную статью «Всеволод Федорович Миллер как лингвист-осетиновед» (1925), называя его «основателем осетинской филологии». Б.А. Алборов определил вклад Вс.Ф.Миллера осетинскую науку, отмечая «1) богатейший материал для наблюдения над фактами осетинского языка всех 3-х диалектов; 2) историческую научную грамматику осетинского языка, которая впитала в себя все прочно установленные научные положения об осетинском языке; 3) Вс.Ф. Миллер с достаточной убедительностью определил место осетинского языка среди родственных иранских языков; 4) на основании многочисленных толкований надписей и топографических названий определил территорию древне-

го поселения осетин под названием «аланов»; 5) дал могущественный толчок для дальнейшего научного изучения осетинского языка» [2, с. 398].

Б. А. Алборов выделяет тезис В. Ф. Миллера о месте осетинского языка в группе иранских: «Вс. Ф. Миллер устанавливает следующее: «Осетинский язык представляет собой последний остаток одного из северных диалектов иранского праязыка. Предки нынешних осетин, – говорит Миллер, – отторгнувшись от непосредственного соседства с другими иранскими народами, перешли из Азии в Европу в доисторические времена и некогда под различными названиями (сарматов, аорсов, сираков) занимали Северный Кавказ, нижнее течение Дона и часть северного побережья Черного моря. Только незначительная часть этих европейских иранцев сохранилась под названием осетин в горах Кавказа, но на широкое распространение иранского элемента в древние времена во всех названных местах есть целый ряд исторических указаний» [2, с. 387].

Отмечается «Программа» В. Ф. Миллера «для собирания материалов по осетинскому языку»: «Вс. Ф. Миллер находит, что появившихся в печати материалов, как-то: грамматики Шегрена, переводов богослужебных книг, трудов епископа Иосифа, А. Шифнера и даже его «Осетинских этюдов» (часть 1) – пока недостаточно для уяснения многих вопросов осетинского языкознания. «Многие вопросы по фонетике и грамматике, – говорит Вс. Ф. Миллер, – требуют обстоятельного обследования, разработка диалектологии едва лишь начата, место, занимаемое осетинским языком в группе иранских, едва намечено, не более 350 слов возведены к иранскому праязыку, до сих пор нет полного словаря осетинского языка по диалектам. Научная разработка вопросов, касающихся фонетики, грамматики и истории языка, может быть предпринята только специалистами по сравнительному языковедению, но собирание материалов может быть с успехом предпринято всяким, кто практически знаком с приемами, необходимыми для подобных работ» [2, с. 387–388].

Б. А. Алборов отмечал, что в трех частях «Осетинских этюдов», Вс. Ф. Миллер собрал огромный материал для изучения осетинского языка и впервые описал его историческую грамматику.

Работа в архиве, библиотечных фондах открыла нам многие неизвестные страницы кавказоведения. Исследованию этих интереснейших материалов посвящается

деятельность нашей научной школы «Лингвистика текста: Семантика. Синтактика. Прагматика», проблемной научно-исследовательской лаборатории «Текст как явление культуры: Кавказоведение. Методология. Семиотика» (руководители – К. Э. Штайн, Д. И. Петренко). Будем идти и дальше, к освоению неизвестных страниц истории кавказоведения.

## Литература

1. Алборов Б. А. История осетинских племен / Осетинский НИИ краеведения. Владикавказ: Типо-фото-цинкография изд-ва «Растдзинад», 1929.
2. Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2005. – Кн. 2.
3. Белоконов В. В. К истории кавказоведения 1920–1930-х годов // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века: сб. статей Научно-методического семинара «Textus». СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – Вып. 6.
4. Габуния З. М. Научные портреты кавказоведов-лингвистов (к истории языкознания). Нальчик, 1991.
5. Кононирова Н. А. Библиотека Северо-Кавказского научно-исследовательского института в фонде отдела редкой книги библиотеки Ставропольского государственного университета // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века: сб. статей Научно-методического семинара «Textus». СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. Вып. 6.
6. Темирболатова А. И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С. М. Кирова» (1926–1937)) / под ред. д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн, д-ра филол. наук Д. И. Петренко. – Ставрополь: СГУ, 2012.
7. Ушакова Н. В. Предметный указатель к описи документов № 1 фонда Р-1260 «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. Кирова (1927–1937 гг.)» // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: сб. статей Научно-методического семинара «Textus». – М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. Вып. 7.
8. Чеснокова Г. Д. Архивные материалы об истории Северо-Кавказского горского историко-лингвистического института (1927–1937) // Текст: Узоры ковра: сб. статей Научно-методического семинара «Textus», 1999. Вып. 4. Ч. 1.
9. Чеснокова Г. Д. Редкие архивные документы об истории и лингвистике на Северном Кавказе в 30-е годы XX века // Алиевские чтения: научная сессия преподавателей и аспирантов университета: тезисы докладов. Карачаевск: КЧПУ, 2000.
10. Шапир М. И. Р. О. Якобсон. Московский лингвистический кружок. Предисловие // *Philologica*. 1996. Vol. 3. № 5/7.
11. Штайн К. Э. Эпизоды деятельности этнографа и лингвиста А. М. Дирра на Северном Кавказе // Особенности функционирования и преподавания русского языка в полиэтническом регионе Северного Кавказа: материалы Международной конференциисеминара (Ставрополь, 21–25 сентября 2010 года). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010.
12. Штайн К. Э., Петренко Д. И. А. М. Дирр – этнограф, антрополог, лингвист, кавказовед // Метапозитика: сборник статей научнометодического семинара «Textus»: в 2 ч. / под ред. д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн, канд. филол. наук Д. И. Петренко. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Вып. 2. Ч. 1.
13. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Филология: История. Методология. Современные проблемы. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011.
14. Якобсон Р. О. Московский лингвистический кружок // *Philologica*. 1996. Vol. 3. № 5/7.